

О. В. Рябов

**ЖЕНЩИНЫ НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ В ЗЕРКАЛЕ СОВЕТСКОЙ
КАРИКАТУРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ЖУРНАЛА «КРОКОДИЛ»)***

doi: 10.30759/1728-9718-2019-3(64)-84-92

УДК 94(470+430)“1941/1945”

ББК 63.3

Статья посвящена анализу образов женщин нацистской Германии, создаваемых советской пропагандой периода Великой Отечественной войны при помощи сатирической графики. Источником исследования выступают карикатуры, опубликованные в журнале «Крокодил» в июне 1941 — мае 1945 гг. Автор показывает, что комические изображения немецких женщин рассматривались как важный элемент создания образа врага и эффективное оружие военной пропаганды. При этом репрезентации немки в материалах «Крокодила» носили двойственный характер. С одной стороны, журнал представлял их как жертв нацистского режима, который трактовался как женоненавистнический по своей сущности. С другой, формируя образ тотальной инаковости нацистской Германии, карикатуристы возлагали ответственность за преступления гитлеровцев и на часть женского населения страны. Негативный образ немки создавался как антипод идеалу советской женщины. Поэтому, помимо типичных для военной пропаганды репрезентаций женщин врага как отклоняющихся от канонов традиционной женственности, использовалось приписывание им тех черт, которые противопоставляли их образу советской женщины: недостаток чувства собственного достоинства, смелости и интеллекта. Немки наделялись жестокостью, отсутствием сострадания, алчностью, эгоизмом, неспособностью любить, трусостью, распутством; подчеркивалось убожество их мировоззрения, в котором центральное место занимали антикоммунистические и расистские предрассудки. Специфика показа этих качеств в карикатурах заключалась в том, что они становились предметом не только осуждения, но и насмешек.

Ключевые слова: образ врага, образ немецких женщин, Великая Отечественная война, имагология, пропаганда, карикатура, журнал «Крокодил»

Проблема отношения советских солдат к женщинам нацистской Германии давно перестала быть чисто академической. Она активно используется в «войнах памяти» и занимает заметное место в сегодняшнем образе Великой Отечественной войны, прежде всего, на Западе. После публикации в 2002 г. книги Э. Бивора¹ вопрос об «изнасиловании Германии» вызывает повышенный интерес; к нему периодически возвращаются исследователи, а также журналисты.² Однако образ женщин

нацистской Германии, который формировался советской прессой, еще не изучался.³ Полагаем, что уже это обуславливает научную актуальность и социально-политическую значимость изучения этого вопроса. Нас интересует его комическое измерение, которое мы рассматриваем на материале журнала «Крокодил» — крупнейшего советского сатирического журнала. На протяжении войны его тираж колебался от 100 000 до 217 000 экземпляров; журнал широко распространялся на фронте и в тылу, и всего за июнь 1941 — май 1945 гг. вышло 180 номеров, которые и составили источниковую базу исследования.

Роль комического как оружия войны была подчеркнута в самом первом военном выпуске журнала.⁴ Позже, в июле 1943 г., Д. Заславский, редактор «Крокодила», выступая на специальном совещании Союза писателей СССР, посвященном сатире и юмору во время войны, отметил: «Веселый смех — это неперемный спутник нынешней войны».⁵

¹ Beevor A. Berlin. The Downfall 1945. London, 2002.

² Напр.: MacDonogh G. After the Reich: The Brutal History of the Allied Occupation. New York, 2009; Naimark N. M. The Russians and Germans: Rape during the War and Post-Soviet Memories // Rape in Wartime. Genders and Sexualities in History. London, 2012. P. 201–219; Gebhardt M. Crimes Unspoken: The Rape of German Women at the End of the Second World War. Malden, MA, 2017. Обзор критических замечаний к аргументации Э. Бивора и его последователей см.: Сенявская Е. С. Освободительная миссия Красной Армии в контексте информационной войны. URL: <http://www.kurginyan.ru/clubs.shtml?cat=60&id=455> (дата обращения: 20.05.2019).

Рябов Олег Вячеславович — д.филол.н., профессор, в.н.с. факультета политологии, Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург)
E-mail: Riabov1@inbox.ru

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ, грант № 18-18-00233 «Кинообразы советского и американского врагов в символической политике Холодной войны: компаративный анализ» (рук. О. В. Рябов)

³ Как правило, авторы ограничиваются обращением к публицистике И. Эренбурга.

⁴ Рыклин Г. Смех в подполье // Крокодил. 1941. № 12. С. 2.

⁵ Эренбург И., Заславский Д., Маршак С., Зоценко М. Сатира и юмор в дни Великой Отечественной войны. Вступ. заметка, публ. и комм. Р. Романовой // Вопросы литературы. 1985. № 5. С. 229.

Таким образом, цель статьи — анализ образов женщин нацистской Германии, создаваемых при помощи комического. В первой части характеризуются методологические вопросы исследования — прежде всего, роль карикатуры в формировании образа врага, в том числе при помощи гендерного дискурса. Вторая и третья части посвящены образам немецкой женщины как жертвы фашизма и как соучастницы его преступлений соответственно.

*Образ врага в карикатуре:
гендерное измерение*

Вначале, опираясь на существующие исследования образа врага, попробуем выделить его основные функции. Прежде всего, отметим функцию укрепления коллективной идентичности, реализуемую при помощи представления врага как максимально отличающегося от «своих» и проведения заметной, прочной и естественной символической границы между ними. Функция мобилизации требует создания образа смертельной опасности для каждого члена сообщества; поэтому враг должен быть страшным. Функция легитимации насилия предполагает изображение врага таким образом, чтобы оправдать негативные чувства к нему, насилие над ним или даже уничтожение. В связи с этим используются такие приемы, как дегуманизация врага, его исключение из числа представителей человеческого рода (при помощи уподобления животному или машине), а также описание его как максимально отталкивающего, в моральном или физическом плане. Функция легитимации власти и социально-политического порядка связана с репрезентациями правителей как надежных защитников от врага, а оппозиции — как внутренних врагов и пособников врагов внешних. Наконец, функция предсказания победы предполагает обоснование собственного военного превосходства и изображение врага слабым.

Таким образом, эффективно сконструированный образ врага должен вызывать не только ощущение смертельной опасности, отращивание к врагу, готовность его уничтожить, чувство нравственного превосходства над ним, но также смех — для того, чтобы «своих» не покидала уверенность в окончательной победе, враг должен быть показан комичным.⁶

Смех на фронте носит специфический характер, однако высмеивание врага всегда считалось грозным оружием социальных конфликтов. Заметное место в арсенале военной пропаганды занимает карикатура.⁷ Как отмечали многие исследователи карикатуры, она по своей природе предполагает связь комического с социальной агрессией.⁸ Востребованность карикатуры в нарративе политики определяется ее социологическими и художественными особенностями. В отличие от других форм визуализации, произведения карикатуристов распространяются широко и оперативно, их «потребление» не требует специальной подготовки, а нередко и знания языка. Что касается собственно художественного аспекта, то способность карикатуры к гиперболизации приобретает особое значение в процессах коллективной идентификации: карикатурист, получая значительную изобразительную свободу, может заострять одни черты культуры и затушевывать другие, что позволяет проводить символическую границу между «своими» и «чужими» ярко и отчетливо.⁹

Образ врага создается за счет различных дискурсов: антропологического, эстетического, исторического, этического, политического, конфессионального; важную роль играет и гендерный дискурс. Основываясь на идеях Ф. Барта, Н. Юваль-Дэвис предложила рассматривать образы мужчин и женщин определенного сообщества в качестве «символических пограничников», которые выступают как маркеры включения и исключения, принимая участие в формировании коллективной идентичности, в отделении «своих» от «чужих».¹⁰

Political Thought and History. Westport, 2000; Moyle L. Drawing conclusions: An imagological survey of Britain and the British and Germany and the Germans in German and British cartoons and caricatures, 1945–2000. Doctoral diss. Univ. Osnabruck, 2004; Сенявская Е. С. Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006; Porshneva O. Image of the German enemy as perceived by Russian army soldiers during World War I // Quaestio Rossica. 2014. № 1. P. 79–93.

⁷ Подробнее о роли карикатуры в военной пропаганде см.: Milne L. Laughter and War: Humorous-Satirical Magazines in Britain, France, Germany and Russia. 1914–1918. Cambridge, 2016; Lazari A. de, Riabov O., Zakowska M. The Russian Bear and the Revolution: The Bear Metaphor for Russia in Political Caricatures of 1917–1918 // Вестн. Санкт-Петерб. ун-та. Искусствоведение. 2019. Т. 9, № 2. С. 325–345.

⁸ Напр.: Виппер Б. Р. Введение в историческое изучение искусства. М., 1985; Streicher L. H. On a Theory of Political Caricature // Comparative Studies in Society and History. 1967. № 4. P. 438.

⁹ Гайлите Г. Медведь и Латвия: Образы латышско-российских отношений в карикатуре // Лабиринт: журнал соц.-гум. исслед. 2013. № 4. С. 29–40.

¹⁰ Yuval-Davis N. Gender and Nation. London, 1997. P. 23.

⁶ Aho J. A. This Thing of Darkness: A Sociology of the Enemy. Seattle, 1994; Keen S. Faces of the Enemy: Reflections of the Hostile Imagination. San Francisco, 1986; Harle V. The Enemy with a Thousand Faces: The Tradition of the Other in Western

Первые при этом оценивании значительно выше, чем вторые; как отметила С. Энлоэ, Холодная война представляла собой множество поединков за определение маскулинности и фемининности,¹¹ и, очевидно, то же можно сказать о пропаганде любой войны, которая в той или иной степени включает в себя навязывание аудитории представлений о том, какие модели мужского и женского поведения следует считать эталонными, а какие — девиантными. Особая эффективность таких «символических пограничников» в пропаганде определяется тем, что стереотипные представления о качествах мужчин и женщин, картина отношений полов легко соотносятся с личным опытом человека и воспринимаются как самые очевидные, понятные, а потому легитимные.¹²

*«Фашизм — злейший враг женщин!»:
немки как жертвы нацистского режима*

«Победа будет в той стране, где женщина с мужчиной наравне!»¹³ — название этого плаката, вышедшего в 1942 г. в Ленинградских Окнах ТАСС, показывает, что пропаганда периода Великой Отечественной войны также придавала важное значение противопоставлению гендерных порядков «своих» и «чужих». Критика гитлеровской Германии началась задолго до 22 июня 1941 г., и репрезентации гендерного порядка, насаждаемого нацизмом, были ее заметным элементом. Среди наиболее значимых примеров предвоенной пропаганды следует отметить книгу В. И. Светлова «Брак и семья при социализме и капитализме», одна из глав которой посвящена браку и семье в условиях фашистского террора. По его оценке, реакционный характер фашизма, его обскурантизм и варварство, отчетливо проявляет себя в отношении женщины: нацистская идеология рассматривает ее как домашнюю рабыню, как «родильный аппарат, поставленный под контроль фашистского государства».¹⁴ Подчеркнем, что

мизогиния маркировалась как сущностная характеристика фашизма — наряду с такими, как террор против рабочего класса, захватнические войны, антикоммунизм, расизм.

После начала Великой Отечественной войны эти идеи получили развитие. Название плаката «Фашизм — злейший враг женщин! Все на борьбу с фашизмом!» (Н. Ватолина, 1941) отражает принципиальный аспект гендерного дискурса советской пропаганды. Квинтэссенция гитлеровской идеологии представлена так: «Все народы стоят ниже немцев, а у каждого народа женщина ниже мужчины».¹⁵ В главных изданиях СССР регулярно появлялись статьи о том, в каких тяжелых условиях оказались женщины покоренных фашистами стран Европы.¹⁶

Основной мишенью нацистской мизогинии считалась советская женщина. Помимо прочего, пропаганда активно применяла такой традиционный прием военного дискурса, как образ врага в качестве насильника.¹⁷ В приказе Народного Комиссара обороны № 55 от 23 февраля 1942 г. среди задач Красной Армии названа и такая — «освободить, наконец, наших женщин от того позора и поругания, которым подвергают их немецко-фашистские изверги».¹⁸ Эти слова И. Сталина сопровождали изображение закованной в наручники советской женщины на плакате Д. Шмаринова «Освободи!» (1942).

Обратим внимание на особый аспект репрезентаций отношения нацистов к советской женщине. Как известно, пропаганда подчеркивала, что одна из причин нападения гитлеровской Германии на СССР заключалась в том, что фашизм как авангард империализма стремится уничтожить первое в мире государство рабочих и крестьян. Так, по словам О. Мишаковой, секретаря ЦК ВЛКСМ, «фашистская мразь приходит в неистовство от одной мысли

жена в облике женщины со скованными руками (Ротов К. Геббельс и Германия // Крокодил. 1939. № 13. С. 13).

¹⁵ Гопнер С. Что несет фашизм женщинам // Работница. 1942. № 15. С. 4.

¹⁶ Напр.: Леонидов Н. Фашизм и женщина // Правда. 1941. 21 авг.; Зввич И. Германский фашизм — разрушитель семьи // Известия. 1941. 9 окт.; Заславский Д. Уничтожение семьи и морали в фашистской Германии // Красная звезда. 1942. 8 янв.

¹⁷ Напр.: Гризодубова В. Под ярмом фашизма: зверства гитлеровских захватчиков // Работница. 1941. № 17. С. 22, 23; см. также: Вашик К. Метаморфозы зла: немецко-русские образы врага в плакатной пропаганде 30–50-х годов // Образ врага. М., 2005. С. 210. О функциях и формах использования образа изнасилования в качестве политического символа см.: Riabova T., Riabov O. The “Rape of Europe”: 2016 New Year’s Eve sexual assaults in Cologne in hegemonic discourse of Russian media // Communist and Post-Communist Studies. 2019. Vol. 52, iss. 2. P. 145–154.

¹⁸ Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1946. С. 36.

¹¹ Enloe C. H. The Morning after: Sexual Politics at the End of the Cold War. Berkeley, 1993. P. 18, 19.

¹² Blom I. Gender and Nation in International Comparison // Gendered Nations: Nationalisms and Gender Order in the Long Nineteenth Century. Oxford; New York, 2000. P. 6.

¹³ Астапов И. Победа будет в той стране, где женщина с мужчиной наравне! // Ленинградские «Окна ТАСС» 1941–1945 гг. в собрании Российской национальной библиотеки: каталог. СПб., 1995. Ил. № 7.

¹⁴ Светлов В. И. Брак и семья при социализме и капитализме. М., 1939. С. 56, 61, 78. Вероятно, как отражение представлений о немках как жертвах нацистского режима можно интерпретировать опубликованную в 1939 г. в «Крокодиле» карикатуру, на которой приход гитлеровцев к власти репрезентирован как брачный союз, в котором Германия изобра-

о том, что женщина в Советской стране — равноправный гражданин с мужчиной».¹⁹

Однако и немецкая женщина была представлена в качестве жертвы фашизма. До второй половины 1942 г. советская пропаганда все еще придерживалась классового подхода, акцентируя внимание на внутренних противоречиях в немецком обществе и показывая чуждость гитлеризма народу Германии.²⁰ Например, в первом военном выпуске «Крокодила» была напечатана карикатура, на которой главари нацистов были представлены в качестве врагов не только советского, но и немецкого народов.²¹ Война легла тяжким бременем на население Германии, и от лишений военного времени более всего страдают женщины.²² Не удивительно, что и недовольство политикой Гитлера, которое якобы растет в германском обществе, иллюстрируется при помощи женских образов. Так, на опубликованной в сентябре 1941 г. карикатуре изображены немки, которые мечтают о смерти фюрера, поскольку это означало бы спасение Германии от голода.²³

Активно использовалась тема мизогинии фашизма. Одним из ее проявлений считали создание «брачных пунктов», предназначенных для «сохранения чистоты арийской расы» и увеличения рождаемости (речь, очевидно, шла о программе «Лебенсборн») — что стало излюбленной темой советской сатиры на протяжении всего военного времени.²⁴ Однако сострадание к немецким женщинам, в целом проявлявшееся в этих публикациях, имело свои пределы. Так, Д. Заславский в статье о «брачных пунктах» пишет: «Ужасна покорность, с какой немецкие люди принимают это насильственное превращение их в свиней».²⁵ В материалах «Крокодила» высмеивались эта покорность, равно как и вера немки геббельсовской пропаганде, а также их готовность рожать солдат для войны.²⁶ Узость кругозора немецких мещанок, их антисоветские и антикоммунистические предрассудки, отсутствие чувства собственного

достоинства, свойственное буржуазным женщинам, и рассматривались в качестве причины того, что они терпят это превращение их в животных. В дальнейшем в «Крокодиле» сложно обнаружить знаки сочувствия к немкам.

«Самки зверей»: немки как соучастницы преступлений нацизма

Изображая немецких женщин как жертв нацизма, пропаганда в то же время показывает вовлеченность многих из них в преступления гитлеризма. На упоминавшемся совещании Союза писателей СССР, посвященном сатире и юмору, С. Маршак подчеркнул: «Наш враг соединил в себе все, с чем когда-либо боролась сатира».²⁷ Очевидно, то же самое можно сказать и применительно к создаваемому в «Крокодиле» образу немки. Те показывались как лишённые традиционных женских добродетелей, прежде всего сострадания — даже по отношению к маленьким детям. Большой резонанс вызвала история о том, как немка написала письмо своему мужу, воюющему на Восточном фронте, с просьбой присылать детские вещи, даже если они будут в крови...²⁸ Тема посылок, отсылаемых «фрицами» своим «гретхен», была одной из центральных в образе немки как бессердечных и алчных; ей посвятили свои статьи ведущие публицисты. Известный поэт опубликовал в «Крокодиле» стихотворение, строки из которого иллюстрируют этот мотив весьма выразительно: «Фашистские женщины, самки зверей! / С улыбкой вы слушали плач матерей / Варшавы, Парижа, Белграда. / И вас не тревожил их траурный креп, / Вы ели спокойно украденный хлеб, / Носили с убитых наряды. / Вы гордо ходили в парижских чулках, / В варшавских ботинках, в лионских шелках, / Норвежское масло глотали. / И мужу писала нацистская дрянь: / «Ты шубку получше мне, пупсик, достань, / Белье... и другие детали».²⁹

К этому сюжету на протяжении всего исследуемого периода обращались и карикатуристы «Крокодила».³⁰ Рассмотрим, как враг выглядит на страницах журнала не только смертельно опасным, но и смешным, на примере рисунка

¹⁹ Мишакова О. Женщина в борьбе с фашизмом — могучая сила // Крестьянка. 1943. № 3. С. 14.

²⁰ Огаркова Е. В. «Свой» — «чужой» в смеховой культуре военного времени // Преодоление прошлого в Германии и России: опыт и уроки на будущее (памяти профессора А. И. Бозняка). Липецк, 2017.

²¹ Семенов И. Враги советского народа // Крокодил. 1941. № 12. С. 11.

²² Напр.: Радаков А. На улицах Берлина // Крокодил. 1941. № 12. С. 5; Бродаты Л. В Берлине // Крокодил. 1942. № 1. С. 8.

²³ Бродаты Л. Радостный сон // Крокодил. 1941. № 21. С. 3.

²⁴ Напр.: Гранов В. Гретхен // Крокодил. 1941. № 24. С. 54.

²⁵ Заславский Д. Обыкновенная немецкая история // Правда. 1942. 9 янв.

²⁶ Павлова А. Шепот в Берлине // Крокодил. 1941. № 24. С. 4.

²⁷ Эренбург И., Заславский Д., Маршак С., Зошенко М. Указ. соч. С. 234.

²⁸ Столь важному в пропагандистском отношении сюжету Кукрыниксы посвятили карикатуру «Пятна крови», а С. Маршак — стихотворение (Маршак С. Я. Урок истории. М., 1942. С. 46, 47).

²⁹ Лебедев-Кумач В. Фашистским женщинам // Крокодил. 1941. № 25. С. 2.

³⁰ Напр.: Бродаты Л. Суд идет! // Крокодил. 1944. № 36. С. 5; Ганф Ю. История костюма (фашистские моды военного времени) // Крокодил. 1944. № 39–40. С. 13.

А. Баженова. Карикатура изображает «фрау», которая кричит на своего мужа — офицера вермахта, вернувшегося с войны: «Пара стоптаных туфель и заплатанная сорочка за три месяца войны на восточном фронте? Трус! Жалкий трус!»³¹ Несмотря на железный крест и офицерский чин, немец выглядит, действительно, жалким; многочисленные ранения говорят о том, что военные успехи 1941 г. достались гитлеровцам высокой ценой. Его излишне худое тело смотрится еще комичнее на фоне мощных габаритов супруги — вряд ли этот рисунок был направлен на то, чтобы создать у зрителя ощущение гармоничного семейного союза. Деформированы и их лица (равно как и фюрера, чей портрет висит на стене комнаты их дома). Комический эффект достигается также за счет названия «Мера доблести», которое показывает, насколько сильно искажена картина мира нацистов, где мародерство считается доблестью.

Превратное представление гитлеровцев об еще одной добродетели — нежности — высмеивается на карикатуре В. Горяева «Нежный муж», где фашист в письме своей супруге сообщает: «Милая Марта, наконец, я нашел туфли, которые тебе подойдут». Нарисованные рядом тела убитых женщины и ребенка показывают, как же далеко зашла эта «нежность» гитлеровца к своей алчной супруге.³²

Особенно наглядно жестокость и жадность немцев проявляются в отношении советских людей, которые были угнаны на принудительные работы в Германию. Л. Эттвуд обратила внимание на то, что образы немецких женщин занимают важное место в контексте историй тех, кто был отправлен на работы в Рейх.³³ «Возрождение рабства в Германии» бичевали крупнейшие мастера советской культуры.³⁴ Карикатуристы «Крокодила» активно разрабатывали эту тему, при этом предвещая, что за использование этой «бесплатной рабочей силы» в недалеком будущем расплачиваться непременно придется — как, например, на карикатуре Л. Бродаты. Она состоит из двух рисунков: на одном «фрау Грюнвальд из Дрез-

дена» заставляет работать девушку Аню, на другом изображен труп немца, погибшего в боях с советскими солдатами. Подпись гласит: «частично за труд Ани расплатился муж фрау Грюнвальд под Лисичанском. Окончательный расчет в недалеком будущем».³⁵ Два года спустя Л. Бродаты публикует другую карикатуру, на которой советская работница говорит забившейся под кровать от ужаса хозяйке: «Ну-с, фрау! Пришла за расчетом!».³⁶

Г. Вальк помещает на карикатуру «Рынок невольниц» множество деталей, призванных создать картину абсолютной инаковости Германии — силуэты готических церквей, баварские шляпки, свастику... Главный элемент инаковости, однако, отражен на лицах покупательниц, трансформировавшихся в свиные рыла. Русская девушка, несмотря на все испытания, сохраняет человеческий облик, в то время как немки его уже утратили.³⁷ В. Боннелл показала, какую роль в большевистской пропаганде играло изображение врагов в образе различных животных: крыс, свиней, змей, пауков и т. д.³⁸ Что касается «прекрасной половины» нацистской Германии, то ее представительницы наиболее часто сравнивались, пожалуй, с волчицей.³⁹ Использование этой метафоры отразилось и в графике «Крокодила» — например, на рисунке Кукрыниксов.⁴⁰

Еще один порок, который высмеивался в рамках гендерного дискурса советской пропаганды, — это эгоизм немцев, их себялюбие, неспособность к самопожертвованию во имя любимого человека. На тех карикатурах, где немки показаны вместе с ранеными мужьями, они менее всего похожи на воплощение милосердия, и им, по сути, нет дела до страданий своих мужчин. В советской культуре идея о том, что мужчина и женщина должны делить и радость, и горе, отражающая марксистские взгляды на коммунистическую семью,

³⁵ Бродаты Л. <Фрау Грюнвальд из Дрездена...> // Крокодил. 1943. № 21. С. 1; см. также: Семенов И. Расплата сполна // Крокодил. 1942. № 35. С. 5.

³⁶ Бродаты Л. <Ну-с, фрау! Пришла за расчетом!> // Крокодил. 1945. № 9. С. 8; см. также: Бродаты Л. <В окончательный расчет> // Крокодил. 1945. № 32. С. 1.

³⁷ Вальк Г. Рынок невольниц // Крокодил. 1942. № 30. С. 2.

³⁸ Bonnell V. E. Iconography of Power: Soviet Political Posters under Lenin and Stalin. Berkeley, 1997. P. 193–197; см. также: Pisiotis A. K. Images of Hate in the Art of War // Culture and Entertainment in Wartime Russia. Bloomington, 1995. P. 145.

³⁹ Напр.: Заславский Д. Психология людоеда // Правда. 1944. 2 июня; Мануильский Д. О ненависти к врагу // Красная звезда. 1943. 27 янв.

⁴⁰ Кукрыниксы. Силезский маскарад // Крокодил. 1945. № 10/11. С. 5.

³¹ Баженов А. Мера доблести // Крокодил. 1941. № 26. С. 5; см. развитие этой темы в: Елисеев К. Неудачник // Крокодил. 1941. № 27. С. 4.

³² Горяев В. Нежный муж // Крокодил. 1941. № 24. С. 7.

³³ Attwood L. Creating the new Soviet woman: women's magazines as engineers of female identity, 1922–1953. Palgrave, 1999. P. 139.

³⁴ Тихонов Н. Рынок невольников // Красная звезда. 1942. 2 авг.; Толстой А. Смерть рабовладельцам! // Красная звезда. 1942. 5 авг.; Лавренев Б. Аня из Гросс-Книппенхайна // Красноармеец. 1945. № 5. С. 4; Маршак С. Анна-Лиза // Правда. 1942. 22 авг.

Г. Вальк. Рынок невольниц. Крокодил. 1942. № 30. С. 2

получала поддержку от укорененного в отечественной литературе и философии мифа о русской женщине — спасительнице мужчины. Очевидно, образ немки выступал в качестве антипода идеалу советской женщины. «Жди меня, и я вернусь» — эта тема значила многое для советского солдата, и она широко привлекалась для контрастирования «своих» и «чужих».

Эту функцию выполняли также образы тех немки, которые легкомысленно относились к супружеской верности. Данный сюжет активно обыгрывается военной пропагандой во все времена; заметное внимание уделял ей и «Крокодил». ⁴¹ Например, из одной карикатуры читатель узнает о том, что, в то время как солдат умирает на Восточном фронте, с его женой живет штурмовик, из другой — что для укрепления союзнических отношений между двумя фашистскими державами оставшаяся в Берлине супруга офицера вермахта стала любовницей офицера итальянской армии... ⁴²

***

Гендерный дискурс карикатуры, показывая преимущества советского гендерного порядка

⁴¹ Козлинский В. Веселая вдова // Крокодил. 1941. № 26. С. 8; Радлов Н. Не сошлись характерами // Крокодил. 1942. № 26. С. 6; Пророков Б. Тотальная нравственность // Крокодил. 1943. № 45. С. 2; Елисеев К. Опасные связи // Крокодил. 1943. № 24. С. 5; Клинь Б. Померанская невеста // Крокодил. 1945. № 4. С. 3; Ганф Ю. Вдова на два фронта // Крокодил. 1945. № 10/11. С. 16.

⁴² Ганф Ю. Хорошо немецкому солдату // Крокодил. 1942. № 5. С. 1; Горьев А. Итальянцы в Берлине // Крокодил. 1942. № 40. С. 4, 5.

и советской женственности, выступал важным оружием пропаганды. Образы женщин нацистской Германии использовались в «Крокодиле» на протяжении всего периода войны; за эти годы в журнале были напечатаны в общей сложности 132 карикатуры, содержащие данные образы. ⁴³

Изображая женщин нацистской Германии, авторы материалов в «Крокодиле», с одной стороны, представляли их в качестве жертв фашизма. С другой, они показывали, что у врага есть и «женское лицо»; по крайней мере, часть немки являются бенефициариями войны на Восточном фронте.

Сатирические изображения немки рассматривались как важный элемент создания образа врага; это способствовало формированию картины тотальной враждебности Германии, что было, вероятно, неизбежным и оправданным в условиях войны. В этих репрезентациях реализовали себя отмеченные функции образа врага: враг радикально отличается от «своих», в том числе в гендерных отношениях; он безжалостен, и перспектива рабства в Германии выглядят ужасающе; он лишен человеческих качеств и человеческого облика, что оправдывает негативные чувства к нему; наконец, он смешон и слаб, и расплата за его злодеяния неизбежна.

Негативный образ немки формировался как антипод идеалу советской женщины. Поэтому, помимо типичных для военной пропаганды изображений женщин врага как отклоняющихся от канонов традиционной

⁴³ В 1941 г. таких карикатур было 12, в 1942 — 59, в 1943 — 25, в 1944 — 19, в 1945 — 17.

женственности, им приписывались те черты, которые противопоставляли их «своим»: отсутствие достоинства, смелости и интеллекта. Лейтмотивом большинства публикаций о советских женщинах была идея о том, что в этой войне им есть что защищать.⁴⁴

Немецкие женщины наделялись в «Крокодиле» такими чертами, как жестокость, отсутствие сострадания, алчность, эгоизм, неспособность любить, трусость, распутство; подчеркивалось убожество их мировоззрения, в котором центральное место занимали антикоммунистические и расистские предрассудки. Специфика репрезентаций этих качеств в «Крокодиле» заключалась в том, что они становились предметом не только осуждения, но и насмешек. Так, многие издания показывали обреченность фашизма через абсурдность расовой теории, которую критиковали, опровергали, показывали ее катастрофические социальные последствия. «Крокодил» же ее, прежде всего, высмеивал. Например, приведенная выше карикатура Г. Валька показывает комичность представлений немцев о себе как расе господ — да, действительно, русская отличается от немецких фрау, но именно потому, что, благодаря нацистской идеологии, те давно утратили человеческий облик.

Этот смех сложно назвать добродушным; вместе с тем следует учитывать, что немки не изображались как собственно враги, с оружием в руках. Единственный случай, когда на страницах «Крокодила» можно увидеть вооруженную женщину — карикатура 1945 г., которая выявляет обреченность Третьего Рейха через сатирический образ фольксштурма, состоящего из женщин, стариков и детей.⁴⁵ Иными словами, абсурдность ситуации показана

через образы тех, кто настоящим врагом быть не может.

Добрые чувства такие образы немцев не пробуждали, однако едва ли они создавались как «объект желания». Мы не берем на себя смелость строить догадки о том, какое впечатление производили эти образы на солдат, но, очевидно, направлены они были на генерирование презрения и брезгливости.⁴⁶

Негативные образы немецких женщин можно встретить и в других формах пропаганды военного времени — например, в киноискусстве (образ Лотты в «Человеке номер 217», реж. М. Ромм, 1944). Заслуживает упоминания и то обстоятельство, что в советской политике памяти, освещающей события войны, мы найдем похожих героинь, которых также отличают жестокость, цинизм и разврат (например, образы Ангелики из кинофильма «Щит и меч», реж. В. Басов, 1968 г. и Барбары из «Семнадцати мгновений весны», реж. Т. Лиознова, 1973 г.) — хотя постепенно создаются образы немцев, к которым советская аудитория относилась с симпатией и сочувствием (например, Барбара из фильма «Мир входящему», реж. А. Алов, В. Наумов, 1961 г.). Наконец, отметим, что опыт исследуемых репрезентаций широко использовался при создании образов американских женщин советской пропагандой в годы Холодной войны; правда, она в значительной степени вернулась к использованию классового подхода, поэтому обязательным элементом портретирования США были образы не только «плохих американок», но также и «хороших», в число которых помещали представительниц «простого народа», участниц движения за мир, членов Коммунистической партии, афроамериканок.⁴⁷

Oleg V. Riabov

Doctor of Philosophical Sciences, Saint Petersburg State University (Russia, Saint Petersburg)

E-mail: riabov1@inbox.ru

WOMEN OF NAZI GERMANY IN THE MIRROR OF THE SOVIET CARICATURES (on the materials of the “Crocodile” magazine)

The article deals with analysis of the images of the Nazi Germany women created by the Soviet propaganda during the Great Patriotic War by means of satirical graphics. The base of the research is the caricatures published in the “Crocodile” magazine in June 1941 — May 1945. The author demonstrates that the comic images of the German women were considered as an important part of forming

⁴⁴ Напр.: Мишакова О. Указ. соч. С. 14.

⁴⁵ Ганф Ю. Числом побеле, ценою подешевле // Крокодил. 1945. № 1. С. 4, 5.

⁴⁶ См., напр., статьи И. Эренбурга «Белокурая ведьма» (Красная звезда. 1944. 25 нояб.) и «Рыцари справедливости» (Там же. 1945. 14 марта).

⁴⁷ Riabov O. Gendering the American Enemy in Early Cold War Soviet Films (1946–1953) // Journal of Cold War Studies. 2017. Vol. 19, № 1. P. 193–219.

the enemy image and effective weapon of war propaganda. The “Crocodile”’s representations of the German women were ambivalent. On the one hand, the magazine represented them as victims of the Nazi regime that deemed to be misogynous in its essence. On the other, forming the image of total otherness of the Nazi Germany, the caricaturists assigned responsibility for the Nazi crimes at least to a part of female population. The negative image of the German women was produced as an antipode of the Soviet woman. That is why, apart from typical for war propaganda representations of the enemy women as deviating from the canons of traditional womanhood, the German women were attributed with the characteristics that juxtaposed them to the ideal of the Soviet woman: the lack of self-esteem, courage, and intellect. The German women were endowed with cruelty, the lack of compassion, greediness, egoism, inability to love, cowardice, and profligacy; the poverty of their worldview in which anti-Communist and racist prejudices dominated was emphasized. The specific feature of the “Crocodile” representations of these traits was that they became the object of not only condemning but mocking as well.

Keywords: *enemy image, German women image, Great Patriotic War, imagology, propaganda, caricature, satirical magazine “Crocodile”*

REFERENCES

- Aho J. A. *This Thing of Darkness: A Sociology of the Enemy*. Seattle: University of Washington Press, 1994, 224 p. (in English).
- Attwood L. *Creating the new Soviet woman: women’s magazines as engineers of female identity, 1922–1953*. London: Palgrave, 1999, 220 p. (in English).
- Beevor A. *Berlin. The Downfall 1945*. London: Viking Press, 2002, 528 p. (in English).
- Blom I. Gender and Nation in International Comparison. *Gendered Nations: Nationalisms and Gender Order in the Long Nineteenth Century*. Oxford; New York: Berg, 2000, pp. 3–26. (in English).
- Bonnell V. E. *Iconography of Power: Soviet Political Posters under Lenin and Stalin*. Berkeley: University of California Press, 1997, 385 p. (in English).
- Ehrenburg I., Zaslavsky D., Marshak S., Zoshchenko M. [Satire and humor in the days of the Great Patriotic War]. *Voprosy literatury* [Studies in literature], 1985, no. 5, pp. 228–243. (in Russ.).
- Enloe C. H. *The Morning after: Sexual Politics at the End of the Cold War*. Berkeley: University of California Press, 1993, 261 p. (in English).
- Gailite G. [Bear and Latvia: Images of the Latvian-Russian relations in caricature]. *Labirint. Zhurnal sotsial’no-gumanitarnykh issledovaniy* [Labyrinth. Journal of Philosophy and Social Sciences], 2013, no. 4, pp. 29–40. (in Russ.).
- Gebhardt M. *Crimes Unspoken: The Rape of German Women at the End of the Second World War*. Malden, MA: Polity Press, 2017, 252 p. (in English).
- Harle V. *The Enemy with a Thousand Faces: The Tradition of the Other in Western Political Thought and History*. Westport: Praeger, 2000, 232 p. (in English).
- Keen S. *Faces of the Enemy: Reflections of the Hostile Imagination*. San Francisco: Harper & Row, 1986, 199 p. (in English).
- Lazari A. de, Riabov O., Zakowska M. The Russian Bear and the Revolution: The Bear Metaphor for Russia in Political Caricatures of 1917–1918. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Iskusstvovedenie* [Vestnik of Saint Petersburg University. Arts], 2019, vol. 9, no. 2, pp. 325–345. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu15.2019.206> (in English).
- MacDonogh G. *After the Reich: The Brutal History of the Allied Occupation*. New York: Basic Books, 2009, 656 p. (in English).
- Milne L. *Laughter and War: Humorous-Satirical Magazines in Britain, France, Germany and Russia. 1914–1918*. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2016, 292 p. (in English).
- Moyle L. *Drawing conclusions: An imagological survey of Britain and the British and Germany and the Germans in German and British cartoons and caricatures, 1945–2000: Doc. Diss. Univ. Osnabrück, 2004, 336 p. (in English)*.
- Naimark N. M. The Russians and Germans: Rape during the War and Post-Soviet Memories. *Rape in War-time. Genders and Sexualities in History*. London: Palgrave Macmillan, 2012, pp. 201–219. (in English).
- Ogarkova E. V. [“Us” and “them” in the Laughter culture during Wartime]. *Preodolenie proshlogo v Germanii i Rossii: opyt i uroki na budushchee (pamiaty professora A. I. Borozniaka). Materialy konf. 16–17 fevralya 2017 g.*

- [Overcoming the past in Germany and Russia: experience and lessons for the future (in memory of Prof. A. I. Boroznyak). Proceeding of the Conf. February 16–17, 2017]. Lipetsk: LGPU Publ., 2017, pp. 130–138. (in Russ.).
- Pisiotis A. K. Images of Hate in the Art of War. *Culture and Entertainment in Wartime Russia*. Bloomington: Indiana University Press, 1995, pp. 141–156. (in English).
- Porshneva O. Image of the German enemy as perceived by Russian army soldiers during World War I. *Quaestio Rossica*, 2014, no. 1, pp. 79–93. (in English).
- Riabov O. Gendering the American Enemy in Early Cold War Soviet Films (1946–1953). *Journal of Cold War Studies*, 2017, vol. 19, no. 1, pp. 193–219. DOI: 10.1162/JCWS_a_00722 (in English).
- Riabova T., Riabov O. The “Rape of Europe”: 2016 New Year’s Eve sexual assaults in Cologne in hegemonic discourse of Russian media. *Communist and Post-Communist Studies*, 2019, vol. 52, iss. 2, pp. 145–154. DOI: 10.1016/j.postcomstud.2019.04.004 (in English).
- Senyavskaya E. S. *Osvoboditel’naia missiia Krasnoi Armii v kontekste informatsionnoi voiny* [The Red Army liberation mission in the context of information war]. Available at: <http://www.kurginyan.ru/clubs.shtml?cat=60&id=455> (accessed: 20.05.2019). (in Russ.).
- Senyavskaya E. S. *Protivniki Rossii v voynakh XX veka: Evolyutsiya “obraza vraga” v soznanii armii i obshchestva* [Russia’s opponents in the wars of the 20th century: The evolution of the “enemy image” in the minds of the army and society]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2006, 288 p. (in Russ.).
- Streicher L. H. On a Theory of Political Caricature. *Comparative Studies in Society and History*, 1967, vol. 9, no. 4, pp. 427–445. (in English).
- Svetlov V. I. *Brak i sem’ya pri sotsializme i kapitalizme* [Marriage and Family Under Socialism and Capitalism]. Moscow: Sotsekgiz Publ., 1939, 152 p. (in Russ.).
- Vipper B. R. *Vvedenie v istoricheskoe izuchenie iskusstva* [Introduction to Historical Studying of Art]. Moscow: Izobrazitel’noe iskusstvo Publ., 1985, 288 p. (in Russ.).
- Washik K. [Metamorphosis of evil: German-Russian images of the enemy in the poster propaganda of the 30–50s]. *Obraz vraga* [The image of the enemy]. Moscow: OGI Publ., 2005, pp. 191–229. (in Russ.).
- Yuval-Davis N. *Gender and Nation*. London: Sage Publications, 1997, 157 p. (in English).